

Смех Сюй Яньцина резко оборвался. Он даже поперхнулся и закашлялся, потому что попытался слишком резко сдержать приступ веселья.

Ин Янцзюнь медленно подошёл к молодому господину, мягко похлопал его по спине и тёплым, слегка извиняющимся тоном сказал:

— Прошу прощения, молодой господин, я вас напугал.

Сюй Яньцин отмахнулся рукой, лицо его покраснело от кашля. Даос Сюаньчэнь повернулся и ушёл на кухню, чтобы налить ему стакан тёплой воды. Только после того, как он выпил и немного отдышался, дыхание восстановилось.

— Наставник, как вы умудряетесь ходить, не издавая ни звука? — Сюй Яньцин вытер пот со лба прямо рукавом — лицо ещё оставалось влажным от кашлевого приступа.

Ин Янцзюнь мягко опустил его руку, достал из собственного рукава носовой платок и тщательно вытер пот с его лба:

— Меня с детства обучали разные наставники, со временем я привык к этому.

Сюй Яньцин уловил тонкий, свежий аромат, исходивший от даоса Сюаньчэня. Платок уже стал грязным, и он протянул руку, взял его у Ин Янцзюня и, глядя ему в глаза, серьёзно сказал:

— Платок испачкался. Я отдам его Му Ю — он выстирает, а потом верну вам, наставник.

Он отвернулся, вспомнив свой предыдущий вопрос, и с любопытством поинтересовался:

— Наставник, а сколько вам тогда было лет?

Ин Янцзюнь несколько не расстроился из-за того, что у него забрали платок. Его взгляд стал мягче, когда он посмотрел на молодого господина:

— Лет три или четыре, наверное.

Сейчас, вспоминая, он уже точно не мог сказать. В те годы он был наследным принцем Даляна, и с самого рождения находился под пристальным вниманием и прежнего двора, и императорского гарема.

— Всего три-четыре года! — не сдержался Сюй Яньцин и цокнул языком.

Когда ему было столько лет, он, наверное, всё ещё лежал в объятиях бабушки с дедушкой и капризничал. А наставник в это время уже изучал всё на свете... Вот это, конечно, труд.

В прошлой жизни Сюй Яньцин видел в исторических фильмах, как профессора разбирали императорский этикет — даже просто в хождении было множество тонкостей. Император носил венец, увенчанный двенадцатью восточными жемчужинами, и, идя, должен был следить, чтобы эти жемчужины не качались.

Неудивительно, что наставник даос уже стоял у него за спиной, а Сюй Яньцин этого даже не заметил. Он невольно вздохнул: если бы ему пришлось надеть такой венец, восемь из десяти жемчужин точно бы шлёпнули его по лицу — настоящая пощёчина от короны.

Поскольку между делом он съел миску лапши с тушёной свининой, к обеду Сюй Яньцин уже не был особенно голоден. Но, к счастью, на этот раз он ничего не вырвал. Правда, взгляд Ин

Юаньчэна через стол был каким-то странным.

Сюй Яньцин нашёл это забавным и, нарочно, не отводил от него горящий взгляд. Ин Юаньчэн хотел было выругаться, но, вспомнив, что за столом присутствовал и Его Величество, всё же сдержался. Обед прошёл в гнетущей тишине, и он лишь надеялся, что дождь скорее закончится — только бы сбежать от этого чудаковатого господина Сюя.

Дождь всё не унимался. Сюй Яньцин уже выспался с утра, так что после обеда был полон сил. Он велел Му Ю принести несколько аккуратно обрезанных деревянных досок и набор инструментов для резьбы, а затем закрылся у себя в комнате, занявшись своей «механической часовой конструкцией».

Но сидеть одному ему быстро наскучило. Тем более, период течки ещё не прошёл, и ему требовалась «живая таблетка» — так он в шутку называл наставника Сюаньчэня. Вот он его и «принудительно» потащил к себе.

— Наставник, будьте добры, помогите мне наклеить эти чертежи на подходящие доски, — Сюй Яньцин захлопал глазами, глядя на Ин Янцзюня с самым невинным видом. Надо признать, даос Сюаньчэнь действительно обладал чудодейственным эффектом — с ним рядом ему было значительно легче и спокойнее, даже не в пример.

Ин Янцзюнь взял у него чертежи, затем бросил взгляд на доски, аккуратно уложенные на полу. Ранее Сюй Яньцин уже договорился с плотниками, чтобы те нарезали их нужной толщины.

Это была непростая работа, но Сюй Яньцин заплатил щедро, так что мастер в итоге с радостью согласился на этот каприз.

Обычно сдержанный и холодный, Ин Янцзюнь рядом с молодым господином становился мягким и утончённым.

Следуя примеру Сюй Яньцина, он взял кисть, нанёс специальный клей на поверхность доски и аккуратно приклеил чертёж подходящего размера.

Наблюдая за тем, как он спокойно и методично занимается такой мелочёвкой, у Сюй Яньцина непроизвольно приподнялись уголки губ. Он не удержался от шутки:

— Наставник, вы так красивы — глаза словно нарисованы кистью художника. На вас одно удовольствие смотреть.

Ин Янцзюнь слегка опустил глаза. Услышав это, он с лёгким недоумением взглянул на юношу, не понимая, с чего вдруг тот так расчувствовался.

Сегодня Сюй Яньцин был в приподнятом настроении. С утра он довёл Ин Юаньчэна до такой степени, что тот, завидев его, кривился, будто нос ему чужой, а глаза не свои. А теперь наслаждался сбитым с толку выражением лица даоса Сюаньчэня.

Молодой господин смеялся так, что его брови изогнулись дугой, а тело раскачивалось взад-вперёд. Ин Янцзюню ничего не оставалось, кроме как с лёгким вздохом протянуть руку и придержать его за талию — боялся, как бы тот не свалился от собственного смеха.

Рука даоса была мягкой и тёплой. От прикосновения к талии Сюй Яньцин непроизвольно вздрогнул. В прошлой жизни он никогда не был так близко ни с кем, и это чувство было для

него странным и новым.

Убрав с лица улыбку, он опустил голову и продолжил вырезать деталь, одновременно прикидываясь строгим «начальником» и подгоняя своего помощника:

— Наставник, работайте усердно, никаких поблажек и лени!

— Хорошо, — серьёзно ответил Ин Янцзюнь. Его голос был особенно приятным — прохладный, чистый, как нефрит, и в то же время глубокий и уверенный. В нём чувствовалась надёжность.

Маятниковый механизм требовал высокой точности, так что Сюй Яньцин работал сосредоточенно. Погрузившись в своё занятие, он даже временно забыл про шалости и поддразнивания.

Один анкерный рычаг он всё же испортил, но, к счастью, заранее подготовил запасные доски.

То, чем занимался молодой господин, было в новинку для Ин Янцзюня. Выполнив поручение, он сел в сторонке и стал молча наблюдать за тем, как тот вырезает детали.

Непослушная прядь волос снова и снова спадала на щёку Сюй Яньцина. Он несколько раз убирал её, но, увидев, что она всё равно падает, раздражённо махнул рукой и оставил всё как есть.

Ин Янцзюнь протянул руку, но, не дотянувшись до пряди буквально на полпальца, вдруг замер. Сердце его дрогнуло — и он поспешно отдернул пальцы, будто обжёгся.

Хотя Сюй Яньцин был с головой погружён в своё занятие, заставлять даоса ждать долго ему не пришлось. Отложив нож, он потянулся, ощущая, как затекло тело — в последнее время он чересчур ленился, и стоило немного поработать, как сразу появлялся дискомфорт.

— Осторожнее, не потяните спину, — сказал Ин Янцзюнь, заметив, как тот слишком уж вольно вытянулся. Его взгляд задержался на слегка округлившемся животе, и он вновь протянул руку, мягко обхватив талию Сюй Яньцина.

В тот момент Сюй Яньцин как раз опустил руку — и она случайно легла прямо поверх ладони даоса Сюаньчэня.

Он машинально поднял взгляд и встретился с глазами наставника — у того уши были слегка покрасневшими, а в глубине взгляда таилась лёгкая горечь.

Увидев это, сердце Сюй Яньцина защекотало, будто по нему провели перышком — он просто не мог не поддразнить. Поэтому он схватил одну из рук даосского наставника и приложил к своему животу:

— Этому бобочку уже больше четырёх месяцев. Наставник, если прислушаться, можно почувствовать, как он шевелится!

На деле малыш в животе у Сюй Яньцина был на редкость ленив, пошёл весь в своего отца — двигался редко. Порой Сюй Яньцин даже начинал сомневаться, всё ли в порядке с ребёнком. Но Ци Чэнь много раз щупал ему пульс и каждый раз уверял: малыш абсолютно здоров. Более того, он даже шутил, что бобочек такой же ленивый, как сам Сюй Яньцин.

Сюй Яньцин, конечно, отказывался признавать, что малыш в него. Наверняка — в своего отца-

наставника: тот ведь тоже человек молчаливый и сдержанный.

Ладонь Ин Янцзюня легла на тёплый живот молодого господина. Он замер на секунду, а когда пришёл в себя, сердце его дрогнуло. Рука не двигалась, словно боялась напугать маленького бобочка внутри.

Сюй Яньцин вновь взглянул на него — лицо даоса было слегка смущённым, взгляд избегал его, в движениях сквозила внутренняя скованность. Ин Янцзюнь очень хотел прикоснуться, но в то же время понимал, что по этикету это было непозволительно, поэтому упрямо отводил взгляд, как будто этим мог себя обмануть.

И вдруг он почувствовал, как по его ладони что-то плавно провело — словно радостная рыбка медленно проплыла под кожей, коснувшись живота молодого господина и его руки.

— Неужели малыши в четыре с половиной месяца уже так шевелятся?.. — тихо пробормотал Ин Янцзюнь.

У него никогда не было женщин, не было и детей — он просто не знал, что происходит с младенцем в утробе. А вот Сюй Яньцин отнёсся к этому спокойно. Он чувствовал лишь, что бобочек в этот момент «сохранил лицо» отцу-наставнику — ведь сам Сюй Яньцин его движения почти никогда не ощущал.

— Молодой господин, обед готов! — Ци Чэнь, как обычно, без стука распахнул дверь и вошёл, сначала даже не заметив, что пол усыпан досками. Но взгляд его тут же застыл на двух фигурах в комнате.

Он неловко почесал затылок, но взгляд от них так и не отвёл:

— Ну... можно уже садиться за стол. И да, в следующий раз постучу.

С этими словами он нехотя повернулся и вышел, ещё и дверь за собой аккуратно прикрыл.

Сюй Яньцин даже не подумал смутиться — фыркнул:

— Ци Чэнь в последнее время совсем растерялся, невнимательный стал.

Кончики ушей Ин Янцзюня слегка порозовели. Он аккуратно убрал руку и, придерживая молодого господина под бок:

— Осторожнее, на полу доски.

Выведя Сюй Яньцина из комнаты, он сам вернулся и тщательно собрал все деревянные заготовки в одну стопку. Оставшиеся обрезки он взял с собой — их потом можно было отдать на кухню для растопки.

Ин Юаньчэн и Вэнь Цзинь в этот момент мыли руки во дворе. Услышав шаги за спиной, оба одновременно обернулись — и остоленели, увидев, как Ин Янцзюнь несёт охапку обрезков.

Вэнь Цзинь даже не стал домыывать руки, поспешил вперёд и потянулся, чтобы взять доски у Его Величества. В деревне семьи Сюй ему в последнее время жилось слишком уж спокойно — он уже почти забыл, что обязан обслуживать императора.

Но крестьянский двор, конечно, не сравнить с поместьем в столице. Здесь всё в двух шагах, так что Ин Янцзюнь не передал доски и сказал:

— Я сам. Вы идите, поешьте сначала.

С этими словами он пошёл в сторону кухни, оставив за спиной изумлённого и даже немного испуганного Вэнь Цзиня.

— Как думаешь, твой наставник становится всё более... земным? — спросил Сюй Яньцин с улыбкой, подходя к кадке с водой. По выражению лица Вэнь Цзиня он легко догадался, кто тот такой.

Взгляд Вэнь Цзиня стал сложным. Он служил при Его Величестве почти двадцать лет, прошёл с ним огонь, воду и медные трубы. И вот сейчас впервые видел, как император по-настоящему расслабился.

На самом деле Вэнь Цзинь испытывал лёгкое, необоснованное беспокойство. Молодой господин из рода Маркиза Уань уже повлиял на Его Величество так сильно... Хорошо ли это — или плохо?

— Хватит думать всякую чепуху, иди ешь, — сказал Сюй Яньцин, вытерев руки и подойдя ближе. Увидев, что Вэнь Цзинь до сих пор стоит как вкопанный, в его глазах на миг мелькнуло понимание.

Вэнь Цзинь словно очнулся. У него возникло чувство, что он допустил ошибку. Он тут же опустил голову и с почтением сказал:

— Молодой господин Сюй, простите за дерзость.

Как бы там ни было — хорошо это или плохо — решать всё равно должен император. Он всего лишь слуга и не имеет права показывать молодому господину такие мысли на своём лице.

Сюй Яньцин небрежно махнул рукой — вид у него был совершенно беззаботный. Он вполне мог понять, что творилось у Вэнь Цзиня в голове.

В его глазах какой-то случайный человек сумел увлечь их чистосердечного, дисциплинированного, всегда сдержанного императора. И теперь сам Вэнь Цзинь, который лично служил при императоре, извиняется перед ним — перед Сюй Яньцином! Он даже почувствовал неловкость.

Так что Сюй Яньцин по-приятельски закинул руку Вэнь Цзиню на плечо:

— Наставник Вэнь Цзинь, вы всё себе накручиваете. Пойдёмте, пойдёмте. Сегодня тётушка Ли специально приготовила суп из трёх деликатесов — для вас троих даосских наставников. Обязательно попробуйте.

Под ошарашенным взглядом Вэнь Цзиня Сюй Яньцин повёл его в комнату. Ин Юаньчэн, увидев это, едва не подпрыгнул — уставился на него и завопил:

— Ты, ты, ты...

Он долго заикался, так и не в силах составить ни одного внятного предложения.

А вот Ци Чэнь, давно уже изучивший характер молодого господина, абсолютно спокойно подтянул Ин Юаньчэна к столу и усадил рядом. Его глаза давно были прикованы к ужину:

— Ого, какой сегодня роскошный ужин!

Надо признать, кулинарные таланты тётушки Ли давно уже покорили молодого доктора Ци. Хотя простая деревенская еда не могла сравниться с изысканными блюдами столицы, зато мясо здесь подавали щедро, и супов наливали сколько душе угодно — такое удовольствие в столице было в дефиците.

Ин Янцзюнь вымыл руки и неторопливо вошёл. Все уже начали есть, не дожидаясь его специально. Ин Юаньчэн оглядел стол — свободное место оказалось только рядом с Сюй Яньцином, этим извращенцем. Но он никак не мог позволить Его Величеству сесть рядом с ним, поэтому начал подталкивать Ци Чэня, сидевшего рядом, давая понять, чтобы тот подвинулся и уступил место.

Но Ци Чэнь, который обычно тонко чувствовал атмосферу, на этот раз сделал вид, будто ничего не понимает. Более того, заметив, как занервничал Ин Юаньчэн, он с энтузиазмом подлил тому ещё супа:

— Ты же любишь этот суп, да? Давай, не стесняйся. Если хочешь, я тебе ещё добавлю.

В этот момент Ин Янцзюнь уже спокойно сел рядом с Сюй Яньцином — и даже сам подлил ему суп. Да, этому извращенцу.

Ин Юаньчэн злобно уставился на Сюй Яньцина, а затем обратил свою скорбь и негодование в... аппетит. Он решил съесть этого мелкого негодяя, что дурманит Его Величество, до нищеты.

Теперь Ин Юаньчэн окончательно понял: всё, что Сюй Яньцин наговорил ему утром, было лишь пустым враньём. На самом деле тот осмелился положить глаз на Его Величество! И при этом вёл себя совершенно беспардонно. Когда он вернётся в столицу, то обязательно заставит свою сестру порвать с этим развратным типом все связи.

А Сюй Яньцин? Да он и глазом не повёл на его пылающий взгляд. Что — ужин невкусный? Или быть ленивой солёной рыбой — не радость? По его мнению, Ин Юаньчэн просто ещё слишком молод, не познал счастья жить в праздности. Да и внутренний жар у него слишком уж силён — завтра Ци Чэнь пусть приготовит ему успокоительное.

Ин Юаньчэн в ярости загребал рис, словно сражался с ним. Вдруг по телу пробежал холодок — он вздрогнул и на миг ощутил, будто кто-то его проклинает. Он поднял голову — вокруг всё было спокойно. Тогда он опустил взгляд и продолжил есть.

Он действительно был голоден. Ци Чэнь взглянул на него с непонятной нежностью и заботливо подложил ему немного овощей.

После еды Сюй Яньцин, как всегда, впал в «пищевую кому» — вялость, сонливость, ни на что нет сил. Ци Чэнь привычно взял у него пульс, а потом, к полному шоку Ин Юаньчэна, положил руку на его живот.

В этот момент Ин Юаньчэн ощутил, что с ним творится неладное. Сюй Яньцин действительно настолько распушенный? Он и молодого доктора Ци вокруг пальца обвёл, и при этом продолжает соблазнять Его Величество? И вот теперь, прямо при Его Величестве, позволяет Ци Чэню трогать себя — а у Его Величества лицо всё такое же спокойное и безмятежное, ни малейшего намёка на гнев. Ин Юаньчэн и разозлиться по-настоящему не может — повода ведь нет.

На самом деле Сюй Яньцин, как всегда, вздрогнул, когда рука коснулась его живота. Ци Чэнь это уловил — он чётко почувствовал, как тот чуть отклонился. Поэтому сразу убрал руку.

— Не сутультесь сразу после еды. Посидите немного, а потом выйдите на улицу и сделайте пять кругов по двору, — с холодным видом произнёс Ци Чэнь, сделав властный жест.

Сюй Яньцин, который мечтал просто повалиться, вытянул лицо:

— Я такой усталый... хочу спать.

Он поднял руку:

— Ну хотя бы три круга? Обещаю, честно пройду три.

Ци Чэнь не стал спорить с этим избалованным господином. Он лишь приподнял бровь и повернулся к Ин Янцзюню, который пил чай и поглядывал в их сторону:

— Наставник Сюаньчэнь, вы ведь сегодня тоже щупали пульс молодого господина. Должны знать его состояние. Но наш молодой господин — самый непослушный. Мне ещё нужно заняться лекарствами, не могли бы вы, наставник, немного присмотреть за ним?

Глаза Сюй Яньцина округлились — он совершенно не ожидал, что Ци Чэнь окажется таким коварным. Какое ещё лекарство ему нужно вечером? И кому оно, в конце концов?

Он даже не успел раскрыть рот, как Ин Янцзюнь уже кивнул в знак согласия. Сюй Яньцин тут же бросил взгляд на Ин Юаньчэна, который весь ужин хмурился и молчал. Этот парень так ревностно опекает наставника Сюаньчэня — уж точно не позволит кому-то помыкать им. Увы, в этот момент Ин Юаньчэн был как распиленная тыква — только пялился на него злобно и молчал.

Так что бедной солёной рыбе не осталось ничего, кроме как уныло подняться и поплестись по двору. Ин Янцзюнь пошёл рядом с молодым господином, неотрывно следя за каждым его движением.

Не успел он пройти и двух кругов, как почувствовал, что на теле выступил лёгкий пот. Хлопчатобумажная одежда впитывала влагу, так что ощущения были вполне терпимыми.

На самом деле, плод в его чреве был уже на четвёртом с половиной месяце, и ежедневные прогулки во дворе были не обязательны. Просто из-за слабого телосложения Сюй Яньцина — да и лени, поскольку он предпочитал лечь, если можно, а если нельзя лечь — то хотя бы сесть, — Ци Чэнь и заставлял его двигаться каждый вечер, чтобы улучшить пищеварение и укрепить организм.

Сюй Яньцин, конечно, понимал, чего хочет Ци Чэнь. Но привычка быть ленивым — штука сильная, и заставить его вдруг стать усердным — было не легче, чем взлететь на небо.

Так что к четвёртому кругу у него уже подкашивались ноги, и он только мечтал о том, чтобы поскорее плюхнуться на лавку.

В голове его зародилась ленивая мысль, и он, остановившись, потянул наставника Сюаньчэня за рукав, нежно пожаловавшись:

— Наставник, я так хочу пить. Не затруднит ли вас... налить мне воды?

На слегка детском лице молодого господина расцвела искренняя, тёплая улыбка. Он выглядел так, будто действительно изнывает от жажды.

У Ин Янцзюня ёкнуло в груди, но внешне он остался спокоен. Мягко поддержав его за локоть, он сказал:

— Осталось всего два круга. Примерно столько, сколько заваривается полчашки чая. Потерпите — потом попьём.

Сюй Яньцин, не добившись возможности побездельничать, не захотел сдаваться. Он просто остановился, повесив голову:

— Ноги болят... Я правда больше не могу...

Ин Янцзюнь впервые в жизни встречал настолько хрупкого и ленивого молодого человека. Вздохнув, он чуть смягчил тон:

— Осталось совсем чуть-чуть. Молодой доктор ведь всё это — ради вашего здоровья.

У бедной солёной рыбы от этих слов зачесались уши. Голос наставника Сюаньчэня, обычно прохладный и ясный, как ночной воздух, теперь вдруг зазвучал мягче и... как-то особенно приятно.

Ну вот, красотой наставника проняло даже ленивого Сюй Яньцина. Он нехотя сжалился, подчинился — и всё же сделал два круга. Весь в поту, он, наконец, позволил себя проводить обратно в комнату.

Когда он немного отдохнул, Му Ю принесла ведро с горячей водой и помогла молодому господину принять ванну.

Наконец, лёжа в постели, Сюй Яньцин глубоко вздохнул — будто только что вернулся к жизни. Мягкая постель исцеляла душу.

Пока молодой господин купался, Ин Янцзюнь вернулся к себе в комнату заниматься вечерними уроками и собирать уже переписанные сутры. Внезапно послышался лёгкий стук в дверь.

— Входите, — сказал он, отложив тексты и взяв с письменного стола шахматный мануал.

В ответ дверь открылась — вошёл Ин Юаньчэн. Пройдя несколько шагов, он опустился на колени перед Ин Янцзюнем:

— Ваше Величество, завтра утром я отправляюсь обратно в столицу.

— М-м, — Ин Янцзюнь кивнул, затем добавил: — Ты поедешь один. Будь осторожен в дороге.

Ин Юаньчэн кивнул. Затем, колеблясь, задал вопрос:

— Ваше Величество... почему вы так особенно относитесь к молодому господину Сюю? Делаете для него то, чего обычно не делаете ни для кого...

Ин Янцзюнь отложил книгу. Взгляд его стал глубже.

— Всё слишком сложно. Считаю, что я просто в долгу перед ним. И не стоит чрезмерно его остерегаться.

Эти слова только ещё больше запутали Ин Юаньчэна. Но, видя, что Его Величество не намерен объясняться, он лишь тихо ответил:

— Юаньчэн понял.

После его ухода Ин Янцзюнь медленно поднялся и подошёл к окну. Снаружи царила мягкая ночная тьма. Вдали виднелся свет в окне комнаты Сюй Яньцина.

Он тяжело вздохнул. Почти все исключения в его жизни случались из-за этого молодого господина.

В юности он представлял себе будущее: станет наследным принцем, женится на принцессе, и у них родится маленький наследник Далян.

Но увы — хотя он никогда по-настоящему не влюблялся, его мечты были уничтожены той, что стала его женой. Даже сейчас он помнил тот беспорядочный, полный криков вечер, помнил визг женщины и её проклятия...

Вдруг череда глухих звуков прервала его мысли. Он вздрогнул и вышел из комнаты — как раз в тот момент, когда дверь своей комнаты открыл Ци Чэнь.

— Эти звуки... из комнаты молодого господина! — сказал тот.

<http://bllate.org/book/12638/1120937>